

В. В. Кондрашин

Институт российской истории РАН (Москва)

Дискуссионные проблемы крестьянского движения в России в годы Гражданской войны

Статья посвящена анализу имеющихся в современной отечественной историографии дискуссионных проблем крестьянского движения в России в годы Гражданской войны. Выделяются такие аспекты проблемы, как понятийный аппарат, влияние на крестьянское повстанческое движение антибольшевистских политических партий, белого движения. Автором статьи подвергаются критике распространенные в историографии определения крестьянских восстаний как «великой крестьянской войны», «крестьянского фронта», «крестьянской Вандеи», а также попытки ряда исследователей принизить их значение в вооруженном противостоянии основных участников Гражданской войны.

Ключевые слова: Гражданская война, крестьянское движение, дискуссионные проблемы, антоновщина, махновщина, Западно-Сибирское восстание.

В современной отечественной и зарубежной историографии крестьянского повстанческого движения в России в годы Гражданской войны обозначился ряд дискуссионных проблем. Затронем лишь некоторые из них, на наш взгляд, наиболее важные. Первой из них является понятийный аппарат. Ряд исследователей, желая обосновать значимость крестьянских восстаний в Гражданской войне, используют с этой целью такие определения, как «великая крестьянская война», «крестьянская война», «крестьянский фронт» и т. п. Причем некоторые из них (А. Грациози, В. В. Сенников) не ограничивают крестьянское движение хронологическими рамками 1918–1922 гг., а раздвигают их до начала 1930-х годов, стремясь тем самым назвать все факты крестьянского протеста против аграрной политики советского государства частью «великой крестьянской войны», начавшейся в 1917 г. и продолжавшейся вплоть до завершения сталинской насильственной коллективизации¹.

¹ Graziosi A. The Great Soviet Peasant War. Bolsheviks and Peasants, 1917–1933. Ukrainian Research Institute, Harvard University, 1996. 77 p.; Сенников В. В. Тамбовское восстание 1918–1921 гг. и раскрестьянивание России 1929–1933 гг. М., 2004. 176 с.

Главным недостатком подобного подхода является игнорирование его сторонниками факта принципиальной разницы причин, форм и масштабов крестьянского протеста в годы Гражданской войны, в период нэпа и сплошной коллективизации. Если в первом случае налицо было действительно массовое вооруженное повстанческое движение крестьян, наиболее ярко проявившееся в антоновщине, махновщине и Западно-Сибирском восстании, то в последующие годы, включая и выступления крестьян против политики насильственной коллективизации, речь шла лишь о разрозненных локальных протестах, хотя и в ряде случаев многочисленных по числу участников. Но ни одно из них не переросло в движение, подобное вышеназванным (антоновщину и т. д.). Хотя данный аспект и нуждается в дальнейшем исследовании, но и сейчас уже можно с полной уверенностью утверждать, что главной причиной неспособности крестьян в период коллективизации выставить против власти крестьянские армии было отсутствие у них оружия, с одной стороны, и более сильная, чем в годы Гражданской войны, мощь административно-репрессивного аппарата государства, с другой. Кроме того, период нэпа с его «кризисами хлебозаготовок» ни в какое сравнение не идет с продразверсткой большевиков в годы Военного коммунизма.

Таким образом, на наш взгляд, следует ограничить рамки крестьянской войны с государственной властью, начавшейся в России в 1917 г., только периодом самой Гражданской войны, то есть 1918–1922 гг. При этом для обоснования данных хронологических рамок возможно использование концепции В. П. Данилова и Т. Шанина о «крестьянской революции в России». В этом случае становится понятной парадоксальная логика результатов крестьянского движения в рассматриваемый период, которое, с одной стороны, было разгромлено всей мощью военно-репрессивной машины советского государства, а с другой стороны, победило его, добившись от большевиков главного — отмены продразверстки и закрепления перешедший к крестьянам в 1917 г. земли в Земельном кодексе РСФСР 1922 года². То есть была реализована главная цель крестьянского противостояния с властью — сохранение полученной в результате революции 1917 г. земли и права свободного хозяйствования на ней, хотя и на незначительный срок.

Не совсем точным, на наш взгляд, является и предложенное Д. А. Сафоновым определение крестьянских выступлений пе-

² Кондрашин В. В. В. П. Данилов — публикатор документов по аграрной истории России первой половины XX века // Отечественные архивы. 2012. № 6. С. 37–44.

риода Гражданской войны как «великой крестьянской войны»³. При всем размахе крестьянского повстанчества оно не выходило за рамки своих регионов, имело локальный и разновременный характер протекания, не получило общероссийской организации крестьянской власти в лице единого организационного центра и вождя, как это было, например, в ходе «классических» крестьянских войн под предводительством С. Разина и Е. Пугачева в период феодализма.

В этом же ряду довольно широко использующийся в современной историографии Гражданской войны в России термин «крестьянский фронт». Он введен в научный оборот Т. В. Осиповой⁴. Авторитетнейший исследователь проблемы А. В. Посадский поддерживает его и трактует следующим образом: «Это не только повстанческое „не белое и не красное“ движение и всякого рода бунты и волнения без определенной политической окраски. Это — в целом поведение крестьянина в Гражданской войне. И отношение к противоборствующим армиям, к мобилизации, к центральной и местной власти, стереотипы поведения на войне, в критических условиях, при перспективе покинуть родные края, готовность или нежелание отдавать ресурсы борющимся сторонам»⁵.

Против подобного толкования «крестьянского фронта» выступает российский исследователь А. А. Куренышев. Обращаясь к теме антоновщины, он признает неправомерными рассуждения о ней как о едином — от Сибири до Украины — «крестьянском фронте» Гражданской войны. Подобной «терминологической игрой», считает А. А. Куренышев, историки стремятся «усилить, увеличить роль и значение событий 1921–1922 гг. в Тамбовской губернии». Он убежден, что подобного «фронта» не могло быть хотя бы по причине разной политической ориентации крестьянских повстанческих формирований. Поэтому, по его мнению, корректнее говорить о крестьянском повстанчестве как составной части всего антибольшевистского движения⁶. Мы разделяем подобную точку зрения. Используемые исследователями термины «крестьянский фронт» или «великая

³ Сафонов Д. А. Великая крестьянская война 1920–1921 гг. и Южный Урал. Хроника и историография. Оренбург, 1999. 314 с.

⁴ Осипова Т. В. Крестьянский фронт в гражданской войне // Судьбы российского крестьянства. М., 1995. С. 90–161.

⁵ Посадский А. В. Изучение крестьянского повстанчества: контексты и задачи // Крестьянский фронт 1918–1922 гг. Сборник статей и материалов. М., 2013. С. 15.

⁶ Куренышев А. А. Мифы и загадки «Антоновщины». Что собой представляло и кому угрожало крестьянское восстание в Тамбовской губернии 1920–1921 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 6 (80). Ч. 2. С. 47–50.

крестьянская война» носят чисто эмоциональный характер и объясняются стремлением подчеркнуть масштаб изучаемого явления.

В понятийном аппарате исследователей крестьянского движения в России в годы Гражданской войны нередко встречаются и такие его определения, как «партизанская война» или «партизанская борьба»⁷. На наш взгляд, они также не совсем точно определяют формы и цель крестьянских выступлений в рассматриваемый период. Заслуживает внимания аргументация тамбовского исследователя антоновщины Д. П. Иванова. Он указывает: «Партизанская война — это одна из форм борьбы против иноземных захватчиков, составная часть войны, которая ведется на территории, контролируемой неприятелем, и способами, отличными от действий регулярных войск. Тамбовское восстание по форме напоминало партизанскую войну. Однако главным противником тамбовских крестьян все же выступало свое правительство. Боевые действия происходили на территории, подконтрольной советской власти, а в конфликте не были замешаны иностранные вооруженные силы. Поэтому мы не можем отнести события в Тамбовской губернии в 1918–1920 гг. к традиционной партизанской войне, поскольку они противоречат ее основным признакам»⁸. Нами полностью разделяется данное заключение Д. П. Иванова.

К числу эмоционально окрашенных, но не отражающих суть событий, относится и определение крестьянского повстанческого движения в Сибири в годы Гражданской войны как «Сибирской Вандеи»⁹. Как известно, Вандея — это восстание французских крестьян в одноименной провинции под монархическими лозунгами. Было ли что-либо подобное в ходе Западно-Сибирского восстания или других крестьянских выступлений в России в годы Гражданской войны? Имеющиеся в нашем распоряжении факты дают однозначно отрицательный ответ.

У большинства крестьян напрочь отсутствовали монархические иллюзии, связанные с бывшей династией Романовых. Более того, в подавляющем большинстве случаев в лозунгах и других документах повстанцев декларировалась приверженность республиканской форме государственного устройства России. Нам известен только

⁷ «Атаманщина» и «партизанщина» в Гражданской войне: идеология, военное участие, кадры. Сб. статей и материалов / под ред. А. В. Посадского. М., 2015. 856 с.

⁸ Иванов Д. П. Тамбовское восстание 1920–1921 гг. с точки зрения терминологии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 6 (80). Ч. 2. С. 36–40.

⁹ Шишкин В. И. Сибирская Вандея: вооруженное сопротивление коммунистическому режиму в 1920 году. Новосибирск, 1997. 710 с.

один факт массового выступления крестьян под монархическими лозунгами в годы Гражданской войны. Это произошло в конце февраля — начале марта 1919 г. в Больше-Азясской волости Краснослободского уезда Пензенской губернии, где местная религиозная секта, воспользовавшись недовольством крестьян чрезвычайным налогом, организовала массовое шествие под лозунгом восстановления монархии и власти Романовых¹⁰. Спустя год в том же Краснослободском уезде и соседнем с ним Саранском сотрудники Пензенской губчека продолжали фиксировать «монархически настроенных крестьян», которые являлись членами монархической религиозной секты, не имевшей «никакого отношения к вооруженной и политической оппозиции Советской власти»¹¹.

Преодоление крестьянством монархических иллюзий в первые десятилетия XX в. было объективным процессом, связанным с экономическим, демографическим и моральным кризисом проникновения рыночных отношений в крестьянские общества. Крестьянский антимонархизм явился вполне закономерной реакцией на неэффективность аграрной политики самодержавия в начале XX в. Царское правительство оказалось неспособным справиться с нарастающим валом острых крестьянских проблем. Поистине роковым для судеб монархии стали неудачи России в русско-японской и Первой мировой войнах. Они окончательно подорвали авторитет царя в глазах крестьянства. В связи с этим можно напомнить, насколько вырос в стране авторитет И. В. Сталина после победы СССР над фашистской Германией. И поддерживался он в деревне прежде всего колхозниками-фронтовиками, простившими генералиссимусу все его прежние грехи и преступления. Ничего подобного не наблюдалось в России в рассматриваемый период. Более того, именно фронтовики, вернувшиеся с германской войны к своим разоренным хозяйствам, стали в 1917 г. застрельщиками и проводниками аграрной революции, а затем многие из них влились в антибольшевистское повстанческое движение в качестве не только рядовых участников, но и командиров крестьянских отрядов. Естественно, что о последнем царе и монархии в целом у них оставались не самые лучшие воспоминания. Отсюда закономерен антимонархизм крестьянского повстанчества в 1918–1922 гг. Именно поэтому термин «Сибирская Вандея» не удачен с точки зрения содержания идеологии повстанцев, их программных лозунгов.

¹⁰ Кондрашин В. В. Повстанцы во имя царя. Религиозно-монархическое восстание в селе Большой Азясь Краснослободского уезда // Краеведение. Пенза, 1998. № 1–2. С. 89–94.

¹¹ Центральный архив ФСБ РФ (ЦА ФСБ РФ). Ф. 1. Оп. 4. Д. 218. Л. 60–63.

В контексте дискуссии о понятийном аппарате крестьянского повстанческого движения в России в годы Гражданской войны автор статьи предлагает собственную классификацию крестьянских выступлений в рассматриваемый период, которая основана на результатах изучения этого явления на материалах Поволжья и Украины¹². На наш взгляд, под крестьянским повстанческим движением следует понимать действия вооруженных отрядов или групп восставших крестьян в одном или нескольких уездах/губерниях под политическими лозунгами в интересах подавляющего большинства населения подконтрольной им территории. Формами крестьянского повстанчества были восстание, волнение, выступление и мятеж.

Хотя четкая грань между ними отсутствует, можно выделить отличительные черты каждой из перечисленных форм. Признаком восстания как высшей формы повстанчества является высокий уровень сознательности его участников, которые самостоятельно планируют свои действия и избирают тактические средства. Восстания начинаются по инициативе широких слоев населения и имеют массовый характер; для них вооруженное противостояние власти — заранее намеченный способ борьбы. Для восстания характерны широкий территориальный охват и относительная продолжительность — как правило, не менее месяца. Для подавления восстаний власть вынуждена привлекать значительные воинские контингенты.

Участниками волнений являются крестьяне одного или нескольких селений, которые могут и не применять насилие по отношению к представителям власти. Относительно непродолжительные (всего несколько дней), волнения могут быть подавлены без применения вооруженной силы.

Выступление — это единичный факт крестьянского протеста, более низкий, чем восстание или волнение. Как правило, в нем участвует группа крестьян одного селения или селение целиком. Оно ликвидируется без применения вооруженной силы, является кратковременным и, как правило, не имеет тяжелых последствий для его участников.

Мятеж — антиправительственное выступление воинского формирования, поддержанное крестьянским населением¹³.

Еще одним важным дискуссионным вопросом рассматриваемой проблемы, на наш взгляд, является оценка воздействия кре-

¹² Кондрашин В.В. Крестьянское повстанческое движение 1918–1922 гг.: итоги и направления исследования // Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: очерки истории и историографии / отв. ред. Д. Б. Павлов. М.; СПб., 2018. С. 437–484.

¹³ Кондрашин В.В. Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М., 2009. С. 76–77.

стьянского повстанческого движения на ход Гражданской войны и ее конкретные этапы с точки зрения результатов вооруженного противостояния красной и белой армий. Так, например, А. А. Куреньшев считает, что Западно-Сибирское и Тамбовское восстания не представляли угрозы правящему режиму и лишь нарушили и сильно затруднили работу железнодорожного транспорта¹⁴. Данное заключение опровергается А. Н. Лисовским, который исследовал захват в апреле 1921 г. антоновцами Рассказовки, в ходе которого были разгромлены защищавшие село регулярные части Красной армии. Именно это событие привлекло к себе внимание В. И. Ленина и советского правительства и стало поворотным моментом «антоновщины». То есть большевики увидели реальную угрозу своей власти, и именно поэтому были направлены в Тамбовскую губернию «прекрасно вооруженные отборнейшие войска Красной армии»¹⁵.

Несомненное воздействие крестьянского повстанчества на исход Гражданской войны, на наш взгляд, просматривается в событиях лета — осени 1919 г., в период наступления на Москву армии А. И. Деникина. Именно крестьянская повстанческая армия Махно фактически спасла большевиков, поскольку, если бы не ее выступление, Деникин наверняка бы взял Москву. В частности, анализируя обстановку в тылу во время наступления белых армий осенью 1919 г., А. И. Деникин писал: «13-го сентября Махно неожиданно поднял свои банды и, разбив и отбросив два полка генерала Слащёва, двинулся на восток, обратно к Днепру. <...> Для подавления восстания пришлось, невзирая на серьезное положение фронта, снимать с него части и использовать все резервы. <...> Это восстание, принявшее такие широкие размеры, расстроило наш тыл и ослабило фронт в наиболее трудное для него время»¹⁶.

Сохраняет свою актуальность и нуждается в дальнейшем исследовании и вопрос о влиянии на крестьянское повстанчество антибольшевистских партий и белого движения. Вышеупомянутый А. А. Куреньшев заявляет, что все крупные крестьянские восстания в России против политики большевиков в годы Гражданской войны в той или иной степени были организованы политическими партиями или проходили с участием представителей белого движения. Поэтому, как он считает, концепция их стихийности «должна быть

¹⁴ Куреньшев А. А. Мифы и загадки «Антоновщины»... С. 49.

¹⁵ Лисовский А. Н. Ночной штурм // Крестьянский фронт 1918–1922 гг.: сборник статей и материалов. М., 2013. С. 350–358.

¹⁶ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 5. Вооруженные силы Юга России. Берлин, 1926. С. 234–235.

подвергнута серьезному анализу, переосмыслению и критике»¹⁷. Нами не разделяется подобная позиция. Хотя, как уже отмечалось, данный аспект и нуждается в дальнейшем изучении, но уже и сейчас, основываясь на огромном комплексе введенных в научный оборот источников, можно с уверенностью утверждать, что эсеры и анархисты не «вели крестьян», а шли за ними и вместе с ними, то есть принимали участие в крестьянском движении, придавая ему более организованные формы. Но само движение развивалось на собственной основе и было результатом стихийного протеста крестьянских масс против антикрестьянской политики большевиков, а не следствием организации эсеров и анархистов. То же самое можно сказать и о факторе белого движения. К белым, за редким исключением, крестьяне испытывали неприязнь и страх, вызванные практикой реквизиций, насилием и неясностью в решении волновавшего их вопроса о земле. Поэтому, за редким исключением, они не шли за ними. Да и сами белые не проявили должной активности в данном направлении¹⁸.

Таковы лишь некоторые дискуссионные вопросы крестьянского движения в России в годы Гражданской войны.

¹⁷ Куреныхев А. А. Крестьянские военно-политические организации России. Повстанчество. 1918–1922 гг. М., 2010. 169 с.

¹⁸ Кондрашин В. В. Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М., 2009. 574 с.